

EUGENIJA ČUTO
Sveučilište u Zadru
Odjel za kroatistiku i slavistiku
Odsjek za ruski jezik i književnost
Obala kralja Petra Krešimira IV. 2, HR – 23000 Zadar
ecuto@unizd.hr

РОЛЬ ПАРАГРАФЕМНЫХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

(на материале граффитийных текстов)

В работе на примере текстов студенческих граффити рассматривается роль параграфемных средств не только как сопроводителя вербального текста, но и как относительно самостоятельного носителя определенной информации (экспрессивно-семантической). Существенно дополняя и визуально оформляя надписи, параграфемные средства участвуют в реализации фатико-игровой интенции – субстанционального признака студенческих граффити как жанра Естественной письменной речи. Выбор синграфемных и супраграфемных средств при текстовой продукции строго индивидуален, а потому его можно считать релевантным при анализе языковой личности.

Ключевые слова: *вербальный текст, параграфемные средства, студенческие граффити, языковая личность*

ВВЕДЕНИЕ

Трансформации экономического, социально-бытового, общественно-культурного порядка, переживаемые в эпоху постмодерна, повлекли за собой закономерное изменение языка и речи человека как субъекта, а зачастую и объекта, данных трансформаций. Произошло смещение фокуса лингвистических исследований из зоны языковой системы в зону человека как носителя и пользователя этой системы, точнее, в зону речи как продукции носителя языка. Если раньше ученых больше интересовало внутреннее устройство языка, то теперь во главу угла ставятся вопросы о том, какова связь языка с миром человека, насколько человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств (Карасик 2002: 4). Приоритетным научно-исследовательским принципом стал антропоцентризм, которым руководствуются психологи, культурологи, антропологи, философы, а также специалисты ряда других гуманитарных наук, образованных

на стыке выше перечисленных (лингвокультурологии, этнолингвистики, социоллингвистики и др.). Как отражается в языке социальное сознание личности, каким образом создаваемые ею тексты характеризуют саму личность с позиций языковой способности, коммуникативной компетенции, речевого поведения – вопросы, которыми задаются исследователи языковой личности.

Нельзя сказать, что изучение связи человека и его речи является изобретением постмодернизма. К примеру, еще в античности внимание к подобным вопросам проявляла риторика. О диаде "человек" и его "речь" говорит и латинский афоризм: *Imago animi sermo est: qualis vir, talis oratio* ("Речь – зеркало души: каков человек, такова и речь"). В XIX – начале XX в. исследования отдельных аспектов языковой личности проводили В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, Я. Гримм, А. Мейе, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Шахматов. В российском (советском) языкознании разрабатывал понятие "языковой личности" академик В. В. Виноградов, анализируя язык художественной литературы. Современная русистика базирует изучение языковой личности на работах Ю. Н. Караулова, который назвал ее "сквозной идеей", которая "пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка" (2010: 3). Однако, вслед за Карауловым, большинство ученых (Е. А. Попова, Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина, Л. И. Комарова, Н. В. Кулибина, Е. Ю. Фортунатова, Е. Л. Гинзбург, Г. И. Богин) сосредоточивают свое внимание на художественном тексте как исчерпывающей и адекватной реализации антропоцентричности. По моему же мнению, создание целостного образа языковой личности невозможно без учета текстов, спродуцированных носителем языка спонтанно, без последующей профессиональной обработки, каковыми являются тексты, объединенные в жанр Естественной письменной речи (Н. Б. Лебедева).

Теория естественной письменной речи (ЕПР), сформулированная в 1999 г. сотрудниками Барнаульско-Кемеровской лингвистической школы, заполнила лакуну в российском языковедении, анализировавшем либо разговорную речь в ее устном воплощении (теория русской разговорной речи – РРР), либо искусственную разговорную речь – объект изучения риторики, либо искусственную письменную речь в ее функционально-стилевых разновидностях, куда входит и художественный текст. Продукция естественной письменной деятельности индивида, несправедливо игнорируемая литературоцентричной российской/советской лингвистикой, характеризуется следующими специфическими чертами: письменной формой бытования, естественным характером, спонтанностью, непрофессиональностью исполнения, отсутствием "фильтров" между автором текста и его реципиентом. В отличие от искусственной речи, тексты ЕПР возникают самопроизвольно, без предварительной подготовки, они не подвергаются специальной обработке специалистами или определенными инстанциями типа цензуры, редакции, полиграфического процесса. Тексты ЕПР выходят "непосредственно из-под пера автора, отражая его сиюминутное настроение, состояние ума и души, его представления" (Лебедева 2011: 13). Если человек пишет "для себя", не подгоняя свой текст под общепринятые каноны стиля, орфографии и пунктуации, тогда результат его письменной деятельности точнее всего отражает ту психологическую, социальную, культурную, языковую личность, какой продуцент текста является.

В жанр ЕПР включены следующие разновидности спонтанных необработанных текстов:

- личные записи (дневники, мемуары, хозяйственные и расходные книги, списки меню, покупок, гостей, путевые заметки, маргинальные страницы тетрадей, записи на полях книг и тетрадей, шпаргалки и т. п.);
- деловые записи (книги отзывов, жалоб и предложений, еженедельники, записные книжки, автобиография, медицинская карта, объяснительная, заявление, судебной, вахтенный журнал и др.);
- учебные записи (сочинения, изложения, записи на доске, упражнения, конспекты и т. п.);
- переписка (письма, открытки, записки, эсэмэски, электронная переписка, чат, форумы и т. д.);
- публичные тексты (граффити, объявления, коллективные поздравительные тексты на подарках и открытках, ценники, транспортные объявления и др.);
- рукописные альбомы (песенники, анкеты, дембельский альбом, альбомы дедушек и бабушек и др.);
- спонтанно-рефлекторные начертания и записи (рисунки, слова, геометрические фигуры, детские "каракули" и т. д.).

Естественная письменно-речевая деятельность пронизывает все наше повседневное существование, от раннего детства до глубокой старости мы пишем тексты самого разного толка, причем занимаемся этим зачастую бессознательно, не придавая самим текстам должного значения. Легко создавая письменные тексты, мы так же легко их выбрасываем, не считаем нужным присмотреться к ним повнимательнее и изучать их. Вот почему выделение естественной письменной речи в отдельный объект русистики произошло так поздно, только лишь с принятием антропоцентрического метода в качестве ведущего в описании лингвистических феноменов. По той же причине в русистике до сих пор не выработана устойчивая терминология в отношении естественно-письменной речевой деятельности, в критической литературе можно встретить названия "повседневное" (В. К. Харченко), "профанное", "примитивное", "обыденное", "обиходное" (П. А. Лекант), "бытовое", "стихийное", "просторечное" (Б. А. Ларин), "наивное" (Н. Н. Козлова, И. Л. Сандомирская), "неофициальное", "письменное городское аргю", "народное" (Б. И. Осипов), "письменный вариант народной речи", "лингвистика каждого дня" (Б. Ю. Норман) и др. Хотя нельзя сказать, что русская филологическая традиция не обращалась в своих исследованиях к отдельным жанрам ЕПР, но обозначала она их другими именами, чаще всего, термином "разговорная речь".

Используя в качестве объекта изучения один из видов ЕПР – студенческие граффити, я попытаюсь представить потенциал параграфемных средств в создании образа языковой личности. Целью данной работы считаю выявление значимости графического оформления письменной речи для осуществления интенции граффитиста. Кроме того, я постараюсь доказать, что, анализируя параграфемные средства, возможно проследить внутреннее состояние автора надписей, степень его включенности в учебный процесс, уровень эмоционального напряжения, успешность социализации и т. п., т. е. выстроить некоторую характеристику человека посредством не содержания его речи, а ее графической формы.

Данное исследование является составной частью диссертационного исследования, проведенного в 2013 г., которое было посвящено анализу языка и графики студенческих граффити. В течение двух лет, с 2012 по 2013 г., производился отбор граффитийных текстов для референтного корпуса, численность которого, в конечном итоге, составила 1238 единиц. Источниками граффити послужили интернет-порталы российских вузов (<http://rznngmu.ru/>, <http://energouniver.ru/>, <http://hist.igni.urfu.ru/>, <http://mat-mex.ru/>), форумы студентов (<http://pxty.info/>, http://finec.org/fun/humor/m_parts/), городские сайты (<http://www.uralweb.ru/>, <http://ourperevoz.ucoz.ru/forum/>, <http://vip.karelia.pro/>), тематические сайты (<http://graffiti.su/>, <http://vivacity.ru/>, <http://superparta.ru/>, <http://graffiti.org/>, <http://graffitischool.ru/>, <http://graffitimarket.ru/>, <http://streetart-ekb.livejournal.com/>, <http://kaifolog.ru/>, <http://wiki.mephist.ru/>, <http://yahooueu.ru/>, <http://pessimistov.net/>, <http://bidla.net/>, <http://pozitiv4ik.ru/>, <http://plutser.ru/barkoviana/graffiti/>), как и критическая литература и моя личная коллекция. Для потребностей данной статьи из корпуса отбирались примеры, зафиксированные на фотографиях как на источниках с наибольшей степенью достоверности.

В основу методологии исследования легли положения теории естественной письменной речи, разработанные представителями Барнаульско-Кемеровской лингвистической школы (Н. Б. Лебедевой, Н. И. Тюкаевой, Е. Г. Зыряновой, Н. Ю. Плаксиной). Кроме того, при анализе графической оболочки студенческих текстов я опиралась на выводы, сделанные при изучении параязыковых средств исследователями В. В. Наумовым, А. Н. Барановым, П. Б. Паршиным, М. Г. Швецовой, М. А. Кронгаузом, Л. И. Ярицей, Й. Пилатовой и др. Однако нужно заметить, что полноценных исследований графической стороны разговорной речи или ее отдельных пластов мной не обнаружено, поэтому задача настоящего исследования во многом была осложнена отсутствием подобного рода работ, когда теоретические сведения приходилось собирать буквально по крупицам. Рассмотрим, что понимают под "параграфемными средствами" в современной науке.

ПАРАГРАФЕМИКА В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Процесс оформления мысли в любой форме спонтанной речи – устной или письменной – происходит в своеобразном цейтноте. Чтобы обеспечить успех коммуникации, на помощь вербальным средствам приходят разного рода паравербальные, чье рассмотрение нередко дает больше информации об индивиде, чем собственно анализ его речи. Любой языковой личности присуще свойство владения определенным набором, "инвентарем" параязыковых средств. "Носитель языка обязательно является носителем параязыка, и эта естественная способность адекватно использовать обе знаковые системы в речевой деятельности определяет принадлежность (или непринадлежность) индивида к тому или иному языку, формирует понятие и образ языковой личности" (Наумов 2013: 15). Кроме специфичности вербального кода спонтанной речи (устной и письменной) носителей языка, в современной коммуникации закономерный интерес языковедов занимают паралингвистические (невербальные) средства, сопровождающие письменный текст.

Впервые о параграфемных средствах заговорили в 20-х годах XX в. в связи с развитием стиховой графики (А. А. Реформатский, Г. О. Винокур, Б. В. Томашевский, Н. В. Юшманов), однако к серьезному их изучению приступили лишь с 70-х годов (И. В. Арнольд, Ю. Н. Тынянов, М. П. Брандес, Г. Т. Костенко, П. Б. Паршин, И. В. Вашунина, Н. В. Месхишвили, В. П. Григорьев, Л. В. Зубова), когда обратили внимание на роль невербальных средств в создании стилистического образа текста. Сегодня параграфемикой – особым разделом языкознания, посвященным изучению "невербальных средств, сопровождающих письменную речь и способствующих восприятию и пониманию текста читателем" (*СЛТ* 2010), занимаются С. А. Никитин, М. Ю. Авдоница, Л. П. Амири, Й. Пилатова, Л. Воборил, Л. И. Ярица и др.

Невербальными считаются средства, "существующие около графемной системы языка, (...) они сопровождают вербальную речь и служат выражению различных коннотаций" (Анисимова 2003: 5). В сферу параграфемики входят графическая сегментация текста, длина строки, пробелы, шрифт, цвет, курсив, подчеркивающие и отчеркивающие линейки, необычная орфография слов и расстановка знаков препинания, таблицы, схемы, символы, рисунки, графики и др. Набор этих инструментов зависит от характера создаваемого текста. Все многообразие паравербальных средств А. Н. Баранов и П. Б. Паршин свели к трем группам, в зависимости от механизмов их создания: (1) синграфемные (художественно-стилистическое варьирование пунктуационных знаков); (2) супраграфемные средства (пробел, курсив, разрядка, варьирование шрифтов); (3) топографемные средства (средства графической аранжировки плоскостной синтагматики текста).

Данная классификация не единственна. На начальных стадиях исследователи рассматривали функционирование паралингвистических средств только лишь в устной речи, потому делили их на три разряда: (1) фонационные паралингвистические средства – темп, тембр, громкость речи, заполнители пауз, мелодика речи, диалектные, социальные или идиолектные особенности артикуляции звуков; (2) кинетические – жесты, мимика, поза говорящего; (3) графические – особенности почерка, графические дополнения к буквам, заменители букв (*ЛЭС* 2002). В словаре-справочнике *Педагогическое речеведение* невербальные средства делятся на три группы по степени взаимодействия с вербальными знаками: (1) самостоятельные носители информации – рисунок, фотография; (2) паралингвистические средства, вносящие дополнительные семантические или экспрессивные оттенки в содержание текста – шрифтовое варьирование, разрядка; (3) средства, не имеющие отношения к содержанию текста, но создающие оптимальные условия для его восприятия – формат листа, качество бумаги (*ЛРСС* 1998). Классификация Н. Н. Большаковой основывается на степени глубины возможных импликаций паравербальных средств. Л. Ф. Компанцева учитывает не только графические, но и мультимедийные и аудиальные средства, эта типология предназначена для исследования текстов интернет-коммуникации (Мосцевенко 2010). И. В. Вашунина, основываясь на традиционной классификации Баранова и Паршина, которой руководствуюсь и я в реферируемом исследовании, расширяет круг параграфемных знаков, включая в них кавычки, дефис, зачеркивание, подчеркивание и т. д. Рассмотрим параграфемные средства, выделенные в корпусе студенческих граффити, и проанализируем их воздействие на сам текст надписей, а также их влияние на создание образа языковой личности.

СИНГРАФЕМНЫЕ СРЕДСТВА В СТУДЕНЧЕСКИХ ГРАФФИТИ

Наряду с графикой и орфографией, пунктуация является материальным элементом письменного языка и, подобно другим элементам, служит целям коммуникации между пишущим и читающим. Пунктуацией (лат. *pūnctum* – "точка") называют совокупность правил о постановке знаков препинания. Под знаками же препинания (церк.-слав. *прѣпинати* – "препятствовать, задерживать, сдерживать") понимают "знаки, которые ставятся в письменной речи между словами или группами слов" (Шапиро 2011: 6). Основное назначение знаков препинания в письменной речи – "способствовать расчленению письменного текста для облегчения его понимания" (Валгина 2009: 174), к чему бы я добавила: "и для его адекватного восприятия". Создавая письменный текст, автор употребляет только те средства, которые наиболее точно передают его интенцию, однако, чтобы коммуникация состоялась, те же самые графические средства должны быть восприняты читателем аналогичным образом, т. е. так, как это задумал автор. Значимость пунктуации двояка: "пунктуация от пишущего (направленность от смысла к знакам) и пунктуация для читающего (направленность от знака к смыслу). Пишущий идет от смысла к членению (порождаемого им) текста с целью передачи первого; читающий идет через членение (чужого, данного ему готовым) текста к синтезированию скрытого за ним смысла" (Ярица 2007: 24). Членение текста может иметь несколько оснований:

- формально-грамматическое, учитывающее синтаксическое строение предложения и его компонентов;
- смысловое, отражающее содержательную значимость речи;
- интонационное, передающее паузы, логические и смысловые акценты, эмоциональные оттенки речи.

Действующие лексикографические источники по русской пунктуации строятся на базе первых двух аспектов, т. е. на семантико-синтаксическом основании, они ориентируются на передачу лексических связей внутри синтаксической конструкции и контекстуальных ассоциаций, выходящих за рамки отдельно взятого предложения. Интонационное оформление речи, по большей части, является доменом автора, им руководствуются при расстановке так называемой "творческой" пунктуации, связанной с поиском наиболее оптимального варианта для выражения смысла и текстовой тональности.

Разные функциональные стили, хотя и обслуживаются одной и той же системой знаков препинания, ставят во главу угла разные аспекты пунктуации. Так, научный, официально-деловой, отчасти публицистический стили строго следуют семантико-синтаксическому принципу и почти не используют индивидуальную пунктуацию, которая остается прерогативой разговорного и художественного стилей. О соотношении пунктуации и стиля еще в XIX в. было сказано, что это "интимный союз, союз близких" ("*union intime*") (Береговская 2004: 129), что "писатели остро ощущают органичный характер связи между знаками препинания и стилем (...), что пунктуация носит прежде всего стилистический характер" (*там же*).

История системы пунктуационных знаков, применяемых сегодня, началась в эпоху позднего средневековья. Изобретение книгопечатания вызвало

потребность подобрать знаки, которые бы отражали расчленение текста на слова и предложения и которые бы обозначали на письме целенаправленность высказывания (повествовательность, вопросительность и т. д.), как и смысловые взаимоотношения между частями высказывания. В конце XV в. писатель и промышленник Теобальдо Мануччи (Альдо Мануцци), основатель типографии Мануциев в Венеции, изобрел знаки препинания и правила их употребления для европейской письменности, которые приняло большинство народов Европы и которые существуют до настоящего времени (*ЭНХ*). Появление русской пунктуации также связывают с началом книгопечатания в России (1564), хотя В. Классовский относил возникновение русских знаков препинания к более древней эпохе "усилившегося распространения рукописей, с целями благочестивыми, научными и литературными, в XV столетии, а может быть и ранее" (*цит. по Шапиро 2011: 8*).

Древнерусские рукописные тексты писались без интервалов между словами, некоторые знаки использовались для разделения отрезков текста, содержащих чаще группу (редко одно) знаменательных слов, связанных по смыслу, например, точечный ромбик, двоеточие, знак, напоминающий запятую и др. Лишь с появлением первой напечатанной Иваном Федоровым книги *Апостол* начинается активная работа по внедрению знаков препинания в письменный текст и разработке правил их употребления.

В главных чертах действующая русская система пунктуации сложилась "к тому времени, когда закончилось формирование основ современного русского литературного языка, т. е. к XVIII столетию" (Шапиро 2011: 13). Выдающуюся роль в данном процессе сыграли "отцы" российской словесности М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, Н. Г. Курганов, А. А. Барсов, Н. И. Греч, А. Х. Востоков, И. И. Давыдов, Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот. Уже в *Российской грамматике* Ломоносова дан точный перечень употребляющихся в *русском языке* знаков препинания (*строчных знаков*): точка, запятая, точка с запятой, двоеточие (*две точки*), вопросительный и восклицательный (*удивительный*) знаки, скобки (*знак вместительный*), черточка (*единительный знак*). Еще не упоминаются тире, ни кавычки, ни многоточие, введенные в практику позднее, к концу XVIII в., однако заслуга Ломоносова заключается в том, что он сформулировал единый принцип постановки знаков препинания: "Строчные знаки ставятся по силе разума и по его расположению и союзам" (*цит. по Шапиро 2011: 13*), т. е. смысловую сторону речи он считал основой для пунктуации.

Последователем Ломоносова был Курганов, дополнивший систему знаков кавычками, названными им *отменительным знаком*, и сформулировавший правила пунктуации на базе длительности пауз, обозначаемых тем или иным знаком, к примеру: "Запятая есть знак отдохновения, при котором мы можем несколько отдохнуть не останавливаясь, а употребляется между одинаковыми словами или со многими приложениями и глаголами, к одной речи принадлежащими" (*там же: 17*). В грамматике Барсова (1797) пунктуация уже названа *препинанием*, добавлены три новых знака: тире (*молчанка*), звездочка (*примечательный знак*) и параграф (*статейный*), дано описание тех ритмомелодических фигур, которые на письме обозначаются отдельными знаками препинания, с указанием на то, как нужно использовать эти знаки при чтении написанного текста. Приведем пример опять же для запятой: "При запятой удерживается [голос] столь долго, как можно вымолчать

слово один" (*там же*: 20), для сравнения – для чтения точки пауза должна длиться, как для счета "один, два, три, четыре".

Несмотря на активные попытки словесников упорядочить расстановку знаков препинания, на практике писатели первой половины XIX в. ставили только самые необходимые знаки для обозначения смысла написанного, по большей части они полагались на редакторов и типографских работников, которые "считались знатоками правил" (Шапиро), на самом же деле в печатных изданиях царил пунктуационный разнобой. Даже крупнейшие российские мастера слова, такие как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Л. Толстой, Горький, больше внимания уделяли фиксации на письме наиболее тонких оттенков смысла, не придавая серьезного значения постановке обыкновенных знаков препинания, что можно подтвердить из автографов этих писателей. Приведем любопытное замечание Горького: "Пусть корректор рассыпает запятые, как того требуют законы грамматики, – я ничего не имею против, сам же плохо знаком с этими законами и знаки препинания ставлю "по интуиции"" (*цит. по Шапиро 2011*: 65). Только капитальный труд автора русской дореформенной орфографии и фонетического и историко-этимологического принципов орфографии Я. К. Грота *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне* (1899) заложил достаточно ясные и удобные правила пунктуации, основанные на логических отношениях между составными частями предложения. Так называемые "гrotовские правила" пунктуации, вместе с его орфографическими правилами, вошли в школьные учебники и типографскую практику и в основных своих чертах действуют и поныне.

Все знаки препинания в современной русской пунктуационной системе делятся по функциональному критерию на две группы: знаки отделяющие (1) и знаки выделяющие (2). Знаки первой группы (точка, запятая, вопросительный и восклицательный знаки, точка с запятой, двоеточие, многоточие, тире) используются для отделения одних частей текста от других: предшествующего от последующего предложения, однородного члена предложения от другого однородного, подлежащего от сказуемого и т. п. Выделяющие знаки – преимущественно парные – (две запятых, два тире, две скобки, кавычки) обслуживают вставные конструкции, которые дополняют, уточняют, поясняют; называют лицо или предмет, к которому обращена речь; выражают субъективное отношение пишущего к содержанию высказывания. Примером вставных конструкций являются причастные и деепричастные обороты, обращения, вводные слова и вводные предложения, придаточные предложения и т. п. Необходимо подчеркнуть, что некоторые отделяющие знаки препинания могут выполнять выделяющую функцию. Соблюдение пишущим правил постановки пунктуационных знаков дает предпосылку для адекватного прочтения и понимания его текста реципиентом. И наоборот, несоблюдение или искаженное соблюдение правил пунктуации чревато искажением смысла письменного текста и неверным толкованием со стороны читающего. Проанализируем отношение авторов студенческих граффити к действующим пунктуационным нормам русского языка.

Сравнительный анализ употребления граффитистами пунктуационных знаков относительно действующих правил показал следующие результаты: из 1238 единиц граффити существенное их большинство (942 единицы – 76,1%) написано в соответствии с принятыми в русской пунктуационной системе правилами расстановки знаков препинания. В небольшом количестве граффити (102 единицы –

8,2%) правила пунктуации полностью проигнорированы. Сравнительно небольшое число (194 единицы – 15,7%) студенческих граффити обнаруживает постановку знаков препинания, не соответствующую действующим пунктуационным правилам.

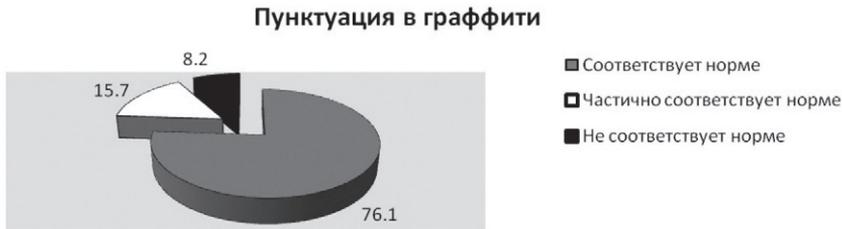

Диаграмма. *Соответствие пунктуации в граффити действующим нормам русского языка*

Из приложенной диаграммы видно, что студенты-граффитисты подтвердили достаточно высокий уровень знаний русской пунктуации и умелое владение ею. Перефразируя Шапиро, могу сказать, что граффитисты твердо знают, какой смысловой оттенок они хотят придать своему высказыванию и отдельным его частям и какими приемами они должны для этого воспользоваться. Студенты осознают важность соблюдения норм пунктуации, в чем можно усмотреть успешность и эффективность работы российской образовательной системы. С другой стороны, определенное влияние на авторов, несомненно, оказала сама письменная форма выражения мысли, которая, как известно, "дисциплинирует" речь и уже на самом старте требует повышенного внимания не только к лексическому наполнению надписей, но и к их пунктуационному оформлению. Следует предположить, что, если бы исследованию подверглись граффитийные тексты иной социальной группы, к примеру, школьников, музыкальных фанатов или спортивных болельщиков, наркоманов, малолетних преступников и т. п., то результаты могли бы быть совсем другими, иными словами, высокому проценту пунктуационно правильных надписей содействовал и высокий академический образовательный уровень исследуемых. Приведем в качестве примера несколько граффити, оформленных в полном соответствии с нормами русского языка:

Блюю я в воду с парапета, / Смотрю на небо – солнце там. / В зубах дымится сигарета. / Привет! Мне хорошо, а вам?;

Белый парик, красная помада, / Ты мажешь морду косметикой мамы, / Туфли на шпильках, юбка до колена, / Одна проблема: тебя зовут Гена;

Мудрейшая птица на свете – сова, / Все знает, но очень скупа на слова, / Чем больше узнает, тем меньше болтает. / Как этого лектору, блин, не хватает!!!!

В разряд граффити, чья пунктуация не соответствует нормам русского языка, включены примеры, в которых или постановка знаков препинания совершенно не соответствует норме, или проигнорирована полностью (что гораздо чаще). Проиллюстрируем на примерах:

¹ Здесь и дальше в примерах граффити сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

*У меня хорошее предложение, пошли домой. (*У меня хорошее предложение: "Пошли домой!")*

*Ну что поржем! (*Ну что, поржем?)*

*Привет ПЕДики (*Привет, ПЕДики!)*

*В конце концов среди концов найдёшь конец ты наконец (*В конце концов, среди концов найдёшь конец ты, наконец.)*

Судя по количеству и характеру отклонений от нормы в знаках препинания, мы можем допустить, что речь идет о недостатке знаний пунктуации и невыработке навыка грамотного ее использования. Что же касается примеров, где знаки препинания полностью игнорируются, то здесь возможно несколько толкований. С одной стороны, непостановку знаков препинания предписывает закон экономии речевых усилий и упрощения речевых функций языка на всех уровнях, в том числе и в пунктуации, руководящий обыденной коммуникацией и ее письменным воплощением (Голев, Басалаева 2010: 130). С другой стороны, надписи без знаков препинания напоминают нам случаи так называемой авторской пунктуации, где неиспользование знаков является намеренным выражением стиля. Здесь мы вступаем на почву художественного текста, чьи авторы ратуют за "право расставлять пунктуационные знаки, следуя не жестким общим канонам, а своему темпераменту, своей индивидуальности, требуют уважения к авторским знакам" (Береговская 2004: 129).

Жорж Санд, Луи Арагон, Кристиана Рошфор, М. Пжиборовски, С. Малларме, Гийом Аполлинер, Поль Элюар, Робер Деснос, среди русских поэтов и писателей В. Ф. Одоевский, А. Блок, В. Хлебников, Б. Пильняк, А. Белый, В. Маяковский, Генрих Сапгир, И. Л. Сельвинский, Михаил Яснов, Владимир Набоков, А. Солженицын, Э. Багрицкий, Я. Смеляков, М. Цветаева, А. Вознесенский – лишь небольшая часть имен мастеров слова, экспериментировавших с пунктуацией с целью воспользоваться ее экспрессивным потенциалом. В современной французской литературе первым полностью отказался от пунктуации в поэзии Аполлинер, объясняя свое решение таким образом: "Что до пунктуации, я ликвидировал ее потому, что она показалась мне бесполезной: таковой она и является. Сам ритм и разбивка на стихи – вот истинная пунктуация, и никакой другой не нужно" (*цит. по* Береговская 2004: 133). То значит, что отказ от знаков препинания актуализирует другие специфические средства акцентировки и паузации и по-другому организует само высказывание, чтобы не создалось никакой двусмысленности.

В русской литературной традиции полностью отказался от пунктуирования в 1924 г. писатель Н. И. Кочурков (псевдоним: Артем Веселый) в повести *Реки огненные*. Эту традицию подхватили поэты-шестидесятники (Вознесенский) и продолжает постмодернистская литература. Возвращаясь к граффити, в нежелании соблюдать нормы пунктуации можно усмотреть "дань моде" или "примету времени", как и оценку знаков препинания молодыми людьми как излишних, ненужных, так как граффити по своей структуре – конструкции достаточно короткие. Полный отказ от пунктуирования можно объяснить и эпатажным характером граффити, которые демонстрируют пренебрежение к навязанным сверху нормативам. В некоторых надписях проявляется философия Аполлинера и его последователей

– знаки препинания заменены стихотворным, "вертикальным" расположением частей высказывания, когда надобность в знаках просто отпадает:

<i>Физ-Ра</i>	<i>ФИЛОСОФИЯ</i>	<i>Девушки вы местные</i>
<i>это Жона</i>	<i>ЧУШЬ</i>	<i>А сколько местные</i>

Анализируя третью группу граффити, где постановка знаков препинания идет вразрез с нормативной, я пришла к выводу, что именно в ней проявляется стремление автора придать своему тексту – творению – неповторимый стиль. Расчленив высказывания по собственному нахождению, граффитист привлекает к нему дополнительное внимание, так как "незаметность" – это удел нормы: "Пока мы не замечаем той или иной стороны языка, можно быть уверенным, что построение ее соответствует норме" (Лотман, *цит. по* Береговская 2004: 136). Возьмем пример: *Если муха лезет в рот. / Пни ее ногой в живот!* На месте нормативной запятой, разделяющей придаточное условное и главное предложения, поставлена точка – знак, более сильный и значимый в иерархии разделительных знаков. Следовательно, граффитист ставит более длительную паузу, тем самым сильнее выделяя вторую часть высказывания, которая и лексическим составом, и актуализированной с помощью точки позицией производит комический эффект. В следующем примере используется опять же более весомый знак – тире – вместо запятой, чем повышается степень противительности двух понятий: "утро" и "обед": *5-й закон Ньютона: Пиво выпитое с утра – к обеду подходит к концу.*

В целом, обобщая явления нестандартной пунктуации в студенческих граффити, можно квалифицировать их как "нормативное употребление со знаком минус", т. е. отвергается выделение того элемента, который в правилах обозначен как подлежащий выделению:

- невыделение обращения: *Возьми меня море и ебни об скалы – как я заебался решать интегралы; Учишься студент на "5", армия умеет ждать; Сергей я тебя люблю; Чего читаешь надписи пидер?; Эй студент экзамен скоро; Евреи всех стран разъединитесь;*
- невыделение вводных слов и словосочетаний: *Белая и пушистая – это на самом деле седая и волосатая; Иногда мысли приходят в голову... Наверное ошибаются адресом; Все может быть и быть не может! / Но вот чего не может быть –/ Того, что может быть не может, / А может быть не может быть!; В конце концов среди концов найдешь конец ты наконец;*
- невыделение сравнительных оборотов: *Праздник без водки как паспорт без фотки; Улетело одеяло, убежала простыня, / И подушка как лягушка ускакала от меня; Я не дурак еще совсем, / Хотя на это есть намёк. / Сижку на лекциях как пень, / Гляжу уныло в потолок; Твои прекрасные глаза как два алмаза торчат из дырок унитаза;*
- невыделение обособленного приложения: *Солнышко светит, птички поют, / А ну его на хуй наш институт!; я не навижу 171 гимназию / НЕНАВИЖУ ЧЕСЛЕРА СУКУ; ... Но если водка мешает учиться –/ Брось ее на хуй учебу твою!;*
- невыделение интонационно нагруженных предложений восклицательным знаком: *Да будет юмор и сатира на стенах нашего сортира; С Днём*

рожденья, Катя; Приходите на нашу свадьбу; Сдохните все; Крепче за шоферку держись, баран; Надоело; Стаканчик бы; Взялся за грудь, говори что-нибудь.

В противоположность отсутствию знаков препинания на месте, предписанном нормой, в корпусе находим граффити с избыточными знаками препинания:

Здесь... было зверски убито время!!!; Перерыва не будет!!! Пиздец!; Сам погибай, а товарища замочи!!!; Пейте пиво!!! Берегите воду!!!; Хочу домой!!!; Девушки! Милые! Давайте знакомиться!!!; Ура!!!!; Хрен вам!!!; сижу пьяная на лавке, к мокрой попе липнут плавки, нос обмотанный соплями, тушь засохла под глазами, на туфле нет каблука, рванная легка, 7 ногтей как не бывало... ГДЕ ЖЕ Я ВЧЕРА БУХАЛА????; Жизнь – это борьба. До обеда – с голодом, после обеда – со сном!!!!; если хочешь ты носить шапочку из зайца полезай ко мне на хуй и держись за яйца!!!!; Сволочи!!!!!!

Избыточность вопросительных, и особенно восклицательных, знаков свидетельствует о высоком эмоциональном напряжении автора граффити, выраженном посредством экспрессивных знаков. Во многих случаях ощущается неудовлетворенность граффитистов экспрессивными возможностями нормативной пунктуации, им кажется, что один восклицательный знак недостаточно полно передает интенсивность их эмоций, потому они умножают знаки препинания, выходя за рамки языковых стандартов. Так, находим три восклицательных знака на месте, где достаточным был бы один (*Пейте пиво!!! Берегите воду!!! Давайте знакомиться!!!*) или даже запятая (*Девушки! Милые! Давайте знакомиться!!!*), а вместо возможных трех встречаются пять, шесть и даже восемь восклицательных знаков. Количество восклицательных или вопросительных знаков прямо пропорционально силе эмоций. Для передачи экспрессии, эмоционального состояния, наряду с индивидуализированной пунктуацией граффитистами используются и другие параграфемные средства.

СУПРАГРАФЕМНЫЕ СРЕДСТВА В СТУДЕНЧЕСКИХ ГРАФФИТИ

К супраграфемным средствам, в широком смысле этого слова, относят модификации шрифтов: использование строчных и прописных букв, знаков разных языковых кодов, цифр, графических символов, эмотиконов, вспомогательных знаков, подчеркивание и зачеркивание. В зависимости от степени самостоятельности употребления в письменном тексте, различаются функции супраграфемных средств: сопровождая вербальный текст, невербальные знаки вносят в него дополнительную, относительно самостоятельную, семантику или же интенсифицируют семантику словесного текста, таким образом, они участвуют в формировании как плана выражения письменного текста, так и плана содержания. К тому же, нарушая привычное линейное расположение буквенных знаков, супраграфемные средства останавливают на себе внимание читающего.

Применительно к текстам граффити, доля надписей с супраграфемными средствами составляет 23,7% (293 единицы). Наиболее распространенными невербальными знаками в студенческих граффити являются:

1. цифры;
2. рисунки;
3. эмодиконы и символы;
4. знаки разных языков;
5. прописные и строчные буквы;
6. подчеркивание и зачеркивание.

Рассмотрим их подробнее.

1. Цифры

Цифровые обозначения употребляются в граффити, чаще всего, в сочетании с вербальными знаками. Функционально цифры в граффити вносят дополнительную, уточняющую информацию, к примеру, надписи-*тэги*, служащие формой идентификации граффитиста и способом "заявить миру о себе", состоят не только из имени, но и номера учебной группы: *Аня 605; Таня гр. 812; Вася, гр. 221; Катя гр. 204*. Принятое в российской системе высшего образования цифровое название группы как метонимическое обозначение студентов определенного сообщества нередко сопровождается оценочным комментарием и даже объяснением в любви:

233 – супер ← пробитые; 204 – Говно!!; 235 – супер, - лохи какие-то, - уроды, - дебилы; 221 группа – Фуфло; 222 – лучшие / - лохи пробитые; 231 гр пьет коньяк а 211 вообще пьет и 235 и 211 231 вообще алкаши; 202 – это круто, а 201 – круче; 201 – наша группа; 205 – супер; Саша 263 I love you; 2204 – лохи; 253 – это класс.

Цифрами в граффити, естественно, передают номера телефона для предоставления возможности прочитавшему установить контакт:

Привет всем! Я Витя 8 902 88...; Сниму бабу. Тел. 21-08-04; Девочки по вызову 32-26-38 позвонить в любое время; 35-11-59 / можно позвонить? / можно только осторожно! / Оксана а ты кто / конь в малиновом пальто / а ну ладно.

Еще одна функция, которую выполняют цифры в граффити, – построение маркированного списка, здесь она совпадает с функцией цифровых и буквенных знаков в письменных текстах разных научных сфер, использующих рубрикацию текста:

ЗИМОЙ И ЛЕТОМ ОДНИМ ЦВЕТОМ?

1. Беларусь
- 2.
3. машина
- 4.
5. СОСНОВЫЙ БОР
6. инфракрасное излучение
7. Саша Белый
8. НЕГР

В корпусе находим два случая использования цифр для обозначения действия часового механизма. Параллельные синтаксические конструкции с идентичным текстовым содержанием и цифровым обозначением физического времени производят эффект ожидания перемены, рисуют эмоциональное напряжение граффитиста, ждущего конца лекции:

До перемены 10 минут / до перемены 9 минут / до перемены 8 минут / до перемены 7 минут / до перемены 6 минут / до перемены 5 минут / до перемены 4 минуты / до перемены 3 минуты / до перемены 2 минуты / до перемены 1 минута / Чёрт сдвоенная пара;

Час до перерыва / Полчаса до перерыва / 15 минут до перерыва / 10 минут до перерыва / 5 минут до перерыва. / 1 минута до перерыва! / Бля!!! Без перерывывааа!!!

Подобный принцип используется и в контактоустанавливающей функции, для вовлечения в игру других участников:

до конца пары осталось 45, 44, 43, 42... продолжи считать

Цифры фиксируют конкретную дату создания граффити или дату, сопровождающую какое-либо событие в качестве анонса, и в этом смысле играют роль летописного знака:

15.10.98: У половины группы ТКС98 жуткое похмелье. Нам еще предстоит пить три дня. Никто не знает, доживем ли мы до следующего утра...; Хочу домой 12.11.2002; Мы здесь были 19.12.01; 27.04.04; 14.05.97; 17.10 Концерт КиШ; 20.01.03 КВН, поболеем за ФФ.

Метафорическое использование буквенных и цифровых знаков, обозначающих химический состав этилового спирта в значении "спиртного вообще", помноженное на рифмованное обрамление граффити и анафорическое начало параллельных конструкций, создает сильный комический эффект:

и солнце светит ярче / и веселей пейзаж / когда в желудке хлещет / C₂H₅OH [цэ два аш два о аш]².

Пожалуй, самая необычная функция, которую выполняют цифровые знаки в граффити – эвфемистическая. С помощью цифрового выражения математической константы, представляющей соотношение длины окружности к длине ее диаметра – π [пи], чья величина составляет 3,14, граффитист вуалирует единицы обценной лексики:

В 3,14зду друзей, в 3,14зду подруг! / я сам себе 3,14здатыи друг!

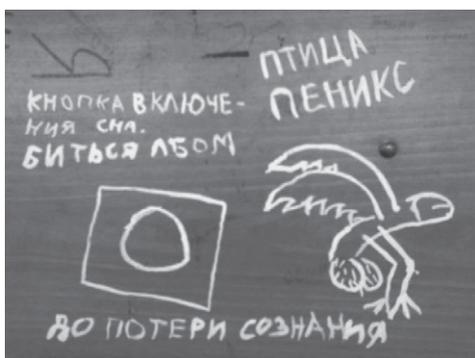
Таким образом, мы видим, что супраграфемные средства, к которым относятся цифры, употребляются в граффити не только в своей первичной функции – обозначения математической величины, времени, даты и т. п., но и служат строительным материалом для создания стилистических фигур текста – метафоры, метонимии. Игровой элемент граффити проявляется в использовании цифр в

² Транскрипция автора (Е. Ч.)

качестве заместителя морфем для придания словам более нормативного облика, т. е. в создании эвфемизмов. Цифры располагают письменный текст на вертикальной оси плоскости при составлении списка, таким способом придавая письменному тексту двухмерность.

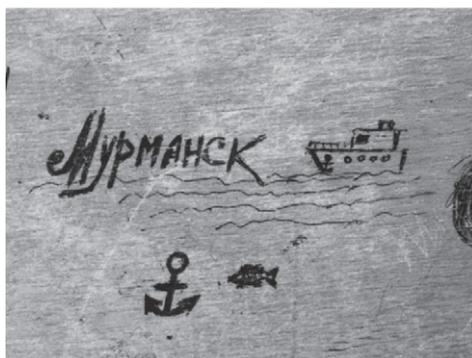
2. Рисунки

К супраграфемным средствам, сопровождающим вербальный текст граффити, относятся и рисунки. Назначение таких графических изображений на парте – отобразить средствами другого семиотического кода то явление, о котором пишется в вербальном тексте. Привлечение в граффити единиц другой знаковой системы интенсифицирует текстовое содержание, актуализирует его, рисунок быстрее привлекает к себе и дольше задерживает внимание читающего, тем самым помогая реализовать аттрактивную функцию изображения и фатическую направленность самих граффити. В качестве иллюстрации приведем наиболее показательные надписи:

Фотография 1. Источник – сайт "Форум студентов РХТУ им. Менделеева", <http://pxty.info>

Фотография 2. Источник – сайт "Карельской компьютерной сети Ситилинк", <http://vip.karelia.pro/>

Фотография 3. Источник – сайт "Приколы", <http://kaifolog.ru/>

Фотография 4. Источник – "Сайт студентов математико-механического факультета СпбГУ", www.mat-mex.ru/

1. *Кнопка включения сна. Биться лбом до потери сознания; Птица Пенникс;*
2. *Кнопка Удаления Лектора;*
3. *Андрей Аршавин. ЗЕНИТ;*
4. *Мурманск.*

В данных примерах рисунки являются относительно независимыми паравербальными средствами, выполняющими, прежде всего, экспрессивную функцию. Они выражают или состояние неудовлетворенности адресанта способом времяпрепровождения (*Кнопка Удаления Лектора*), или манифестируют затомленное сексуальное желание студента (рисунок обнаженной женщины), чьему открытому выражению способствует анонимный характер граффити. Посредством изображения футболиста Аршавина и рисунка приморского города Мурманска языковая личность делит с адресатом свои предпочтения, увлечения, тем самым рисунок реализует здесь манифестационную функцию.

3. Эмотиконы, символы

Эмотиконом (англ. *emoticon* < *emotion* – "эмоция" + *icon* – "образ") называют "пиктограмму, изображающую эмоцию" (*Википедия*). Изобретение первого эмотикона – популярного смайлика – связывают с именем Скотта Эллиотта Фальмана (*Scott Elliott Fahlman*), специалиста в области компьютерных наук, хотя сам он признается, что, возможно, у него были свои предшественники из рядов операторов телетайпа или даже Владимир Набоков, которого упоминает сам Фальман. Первое появление знака улыбки в интернете произошло 19 сентября 1982 г., а название *эмотикон* знак получил в 1987 г. На сегодняшний день существует множество разнообразных смайликов, выражающих широкий спектр эмоций – от текстовых смайликов – классических значков, составленных из знаков клавиатуры, положенных на бок (: -), :-D, :-/, :-O и т. д.), до графических смайликов, именуемых *колобками* (☺, ☻, ㄣ и т. д.), а также анимированных смайликов-животных, смайликов-автомобильчиков, смайликов-самолетиков и т. д. Объединяет все существующие в сети Интернет смайлики их общее функциональное назначение – точно выражать эмоциональное состояние пишущего, устанавливать и поддерживать контакт между коммуникантами, обозначать определенные понятия, объекты, режее действия. Из сферы интернет-коммуникации эмотиконы распространились на мобильную связь, печатную продукцию, а также на граффити.

В анализируемом корпусе находим несколько примеров надписей, в которых текстовый формат осложнен эмотиконом:

История культуры! ㄣ – данную надпись можно интерпретировать как положительное отношение к учебному предмету;

:) :-) – эмоция улыбки, радости представлена в двух своих основных вариантах;

((:-o) – эмотикон, передающий эмоцию удивления;

(>:-o) – эмотикон, обозначающий сдвоенное чувство злорадства и удивления;

Хочешь возвыщаться на ровном фоне – приготовься к тому, что каждая собака будет зодирать на тебя ногу! ;) – эмотикон вносит в граффити коннотацию иронии, сигнализируя улыбку с подмигиванием;

I'm sitting hear / Broken-hearted: / I came to shit / But only farted :((Я здесь сижу / С разбитым сердцем: / Надеялся высраться, / Но только пёрнул)³ – шутивную надпись в туалете сопровождает "грустный смайлик".

Как мы видим, эмодзи используются в граффити для обозначения эмоций, передают разные чувства, дополняя вербальную надпись, но не преобразовывая сам текст. По своей природе письменная речь гораздо суше и формальнее устной, значит, возникает необходимость ее оживить, что происходит за счет использования смайликов. Значимо и место расположения смайлика: по большей части они тяготеют к концу высказывания, в том случае они демонстрируют тональность целого текста, в случае если находим расположение смайлика в середине высказывания, то тогда он передает эмоцию, связанную с конкретным словом, то есть усиливает то слово.

Кроме традиционных эмодзи, среди супраграфемных средств в граффити встречается и типографский символ @ – "коммерческое *at*", выполняющее в надписях функцию своеобразного эвфемизма, "камуфляжа", прикрывающего внешнюю форму обцензуров:

Нас Пагута за@бал яб ему под зад бы дал;

Каждому лектору в ж@ну по вектору. А каждому студенту в ж@ну по сегменту.

Первоначально этот символ использовался в платежных документах в значении "по цене" ("*at the rate of*"). Сегодня символ используется в сетевых сервисах для отделения имени пользователя от названия домена, в разных языках программирования (*Java, Pascal, CoffeeScript, Python, Perl, XPath* и др.) для выполнения разных функций (объявления аннотации, взятия адреса, подавления вывода ошибки и т. д.), в социальных сетях (*Twitter*), компьютерных ролевых играх. В Европе принят дорожный знак с изображением коммерческого *at* для обозначения места публичного доступа к Интернету.

О происхождении символа единого мнения не существует. Традиционно его связывают с сокращением средневекового латинского предлога *ad*, однако более правдоподобной представляется версия, по которой @ обозначало в Средние века единицу измерения объема – стандартную амфору. В пользу данной версии выступает тот факт, что в разных странах подобный символ употреблялся в коммерческих операциях и служил для обозначения мер: Испании, Португалии, Франции. Подобное изображение запечатлено и в русских книгах XVI-XVII вв. (*Судебник Ивана Грозного*), где он также обозначал единицу кириллической системы счета. В современном значении коммерческое *at* первым предложил использовать программист Рей Томлинсон (*Raymond Samuel Tomlinson*) в ноябре 1971 г. Интересно, что прочтение этого интернационального символа имеет национальную окраску, например, в России его именуют собакой, обезьяной, ухом, плюшкой, кракозяброй, мазямбой и др., в Хорватии – обезьяной (*monkey*), на Украине – собакой, в Италии – улиткой (*chiocciola*) и т. д.

Встретившиеся в корпусе два сочетания символов: цифровых, буквенных, типографических: +"-;-AU_+(-A-/*L+ и *VAR X:BYTE; BEGIN FOR X:=0 TO 4*

³ Перевод автора (Е. Ч.)

*DO met [B800:X*2]:= TRUNC (COS(SIN(X+\$1eeBB1)) *1e+9) mod 22+65; END*
 в семантическом отношении представляют собой бессмысленный набор знаков с вкраплениями слов английского языка и сокращений математических терминов. Учитывая пространство материального носителя надписей – вуза – можно предположить, что данные надписи являют примеры игры со знаками, к которой прибегают студенты в качестве психологической компенсации за вложенный на лекциях труд и как к способу абстрагироваться от реальной жизни, т. е. граффити выполняют здесь компенсаторную и эскапическую функции.

4. Языковой код

К супраграфемным средствам, часто используемым граффитистами, относятся и знаки других языковых кодов. В корпусе граффитийных текстов содержатся надписи, выполненные, полностью или частично, латиничным письмом. Современный русский язык, как и другие языки, находится сегодня под сильным давлением со стороны английского языка. Наименьшее сопротивление этому давлению оказывает молодежь, знакомящаяся с английским с детских лет и ассоциирующая с английским языком достижения западной цивилизации. Кроме того, что английский сегодня считается универсальным и модным, он несет на себе отпечаток престижа, подобно порожденной им самой аббревиатуре *VIP*. По мнению многих молодых людей, оценка *the best* ("лучший") более весома, чем ее эквивалент на языке Кирилла и Мефодия, потому в граффити нередки оценочные номинации или презентация своего имени на английском:

205 – SUPER; 813 THE BEST; Nastja; Genija; ФизФак = SUCKS; Economical ciborgs are the best!; The Best; Fuck this UNIVERSITY; SOS; зребаная History; Fak старослав; ФПП 04 – FC FOREVER.

Скорее всего, по той же причине пишут: *love, 04 ГНГ – I. I love you; Саша 263 I love you*, хотя все же, как показывают примеры из корпуса, в любви признаются чаще на русском языке.

Логичным представляется написание латиницей, а не транслитерация названий музыкальных групп, направлений, исполнителей, чьими фанатами являются молодые граффитисты:

METALLICA; Eminem ← Лох! Ярия нет!!!; Если ты слушаешь ONIX – позвони 03; Nautilus Pompilius; Hip-Hop; ROCK.

Исследуемый корпус выявил несколько примеров граффити, которые раскрывают личность пишущего, как человека с достаточно высоким уровнем языковой компетентности и развитым чувством юмора:

Two beer or not two beer; GOOD USER – DEAD USER; ADIDAS: All Days I Dream About Seks; I am crazy, I am fool, / But my penis wonderful!; If you want to study well / Fuck your teacher after bell; STUDENT: S – сонное / T – теоретически / U – умное / D – дитя / E – естественно / N – не желающее / T – трудиться!!!; Мужчина в 20 лет – playboy, в 30 лет – play man, в 40 – play off, в 60 – game over; Fuck it before it fucks you.

Играют граффитисты не только с языковым аспектом текста, но и его графическим обликом как "самозначимой, самодовлеющей, уже отделившейся стороной от других сторон текста" (Бабенко, Казарин 2003: 353). Следующая надпись демонстрирует образец так называемой визуальной поэзии, строки граффити расположены так, что образуют очертания перевернутого треугольника, чья вершина символизирует высшую точку эмоционального напряжения – оргазм:

O please do not touch me...

O please do not touch...

o please do not...

o please do!!!...

o please!...

o...

...

Здесь супраграфемными средствами выражается основной смысл текста, т. е. доказывается, что "графический рисунок визуального стихотворения также модулирует каркас смысловой структуры текста, схематически показывая текстовую проекцию той или иной картины мира художника" (*там же*).

Среди граффити находим образцы смешения латиничного и кириллического языковых кодов: *welcome; vodka*; как и единственный случай использования латиницы для транскрипции русских слов: *Ave Maria blja kurva*. Наряду с граффити на английском, встречаются и единичные надписи на немецком языке: *DEUTSCHE PUNK ROCK FÜR IMMER, Warum die frauen lieben die soldaten, darum sie haben bomben und granaten; Заебалo все в частности осень и Deutsch*, как и искаженное латинское крылатое выражение: *Memento more Помни о смерти*. Анализируя данные надписи, можно сказать, что они сопоставимы с образцами макаронического стиля (фран. *macaronique* < ит. *maccherone* – "паяц, балагур"), которым называют "шуточное пересыпание речи, в частности поэтической, иностранными словами или словами, искаженными на иностранный манер" (Крысин 2008: 417).

Первые образцы макаронического стиля находим в античной поэзии Магния Децима Авсония (310–393), который обильно смешивал латынь с греческим языком. Гомером же макаронической поэзии называют Теофило Фоленго (писавшего под псевдонимом Мерлина Коккая Фоленго), итальянского поэта XVI в., чьи поэмы считаются образцом для подражания в макароническом стиле. Сам Фоленго характеризует макароническую поэзию как "несколько грубоватую, простую" (Москвин 2013: 132), подобно блюду из меню итальянских бедняков – макаронам. В своей эволюции макаронический стиль прошел несколько этапов, от симбиоза итальянского вульгарного и латыни, через смешение латинского с разными европейскими языками, до совмещения любого иностранного с автохтонным языком отдельно взятого народа. В XIX в. макаронический стиль получил в Европе столь широкую популярность, что его называли "искусственным языком", наподобие "лингвы франка", "которым сначала пользовались пара десятков человек, а сейчас [он] претендует на универсальность" (*там же*: 133).

По своей форме студенческие граффити, приведенные выше, принадлежат разряду графических макаронизмов двух уровней – морфологического и лексического, так как в них сочетаются разноязычные морфемы и лексемы. Ведущей функцией макаронизмов считают комическую, так утверждали, в частности, писатель Шарль Нодье: "макароническая речь крайне комична" и литературовед А. Квятковский: "Вмонтирование в лексику родного языка чужеземных слов производит комический эффект" (Москвин 2013: 139), что полностью отвечает стилистике и функциям граффити как таковых.

5. Верхний и нижний регистры

Супраграфемным средством, оживляющим письменную речь, считают и регистр, т. е. использование прописных и строчных букв. Следует оговориться, что рассуждать об употреблении прописных и строчных буквенных обозначений в граффити можно только условно, наиболее четко они дифференцированы в печатной продукции, мобильных и интернет-сообщениях. Однако мы будем полагаться на визуальное изображение надписи как таковой и называть прописными буквы печатного шрифта, более крупные по размеру в сравнении с остальными, строчными.

Если сделать небольшой экскурс в историю русской орфографии, то можно заметить, что прописная буква в старинном правописании была нагружена гораздо больше, чем сейчас. С прописной буквы писали названия национальностей, должностей, званий, титулов, профессий, наук, искусств, месяцев, дней недели, сакральные и аллегорические наименования; всякое иностранное слово тоже начиналось на письме с заглавной буквы. Н. В. Перцов делает предположение, что "прописная буква в начале слова была в прежнее время наделена гораздо более явной индивидуализирующей функцией, чем ныне" (Перцов 2008: 48).

Главная функция использования регистра – выделительная, прописными буквами обозначают то, что нужно подчеркнуть, чему придать важность и вес. "Размеры букв граффити кардинально меняют смысл текста, несут важную прагматическую функцию", "чем больше слово, тем оно представляется более долговечным и более священным" (Плуцер-Сарно 1998). О практической пользе выделения прописными буквами писал еще в XIX в. Я. К. Грот: "Большія буквы во многих случаях доставляют ту практическую пользу, что при бѣгломъ чтении или при просмотрѣ прочитаннаго даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе нужнаго" (*цит. по* Перцов 2008: 48). Многими заглавные буквы рассматриваются как аналог громкости (Кронгауз), неслучайно в сети Интернет в ответ на текст, написанный исключительно прописным шрифтом, можно получить ответ: "Не кричи!" Во всяком случае, тенденцией в создании письменного текста сегодня является оживление, обогащение, озвучивание его формы, и эта тенденция проявляется и в граффити.

Анализируя граффитийные тексты по критерию использования более спокойной тональности (строчные буквы) и громкой, кричащей, эмоциональной (прописные буквы), можно оформить следующую классификацию:

- граффити, выражающие нейтральное эмоциональное состояние; выполнены, в основном, строчными буквами с использованием прописных для обозначения имен, топонимов и других наименований в соответствии с орфографическими нормами русского языка:

Сидит 203 группа и читает. Я вот, например, Экслера изучаю, моя соседка – Ахматову. А что еще делать на истории России?; Списал? Дай списать другому!; Кабель тянется по грязи, а за ним студенты связи; Хорошее место приятно украсить; Толик тут трезвел; Девиз преподавателя: каждой твари по паре; Оставь ее здесь, но сам отметься;

- граффити, выражающие повышенное эмоциональное состояние; подгруппа включает надписи с "переключением регистров", где выделены те морфемы или лексемы, которые несут наибольшую эмоциональную нагрузку и в устном прочтении выговариваются более громко и напряженно:

Слово "СЕССИЯ" часто бывает похоже на "АРМИЯ"; А завтра была СЕССИЯ; Система отъехала тебя. СПАСАЙСЯ! Скоро она захочет тебя снова...; ДревнеГРЕЧЕСКИЙ АЛФАВИТ; До нового года осталось две пары – КОШМАРРРРР!; Девки голо-СИСТЫЕ свели меня с ума; На мосту стояло трое: ОН, ОНА и у НЕГО...; 12 04 у МЕНЯ День рождения; Вот и ПИВО подошло к КОНЦУ...; КультУРОЛОГИЯ;

Использование одного и того же текста, но в разных регистрах, создает эффект визуальной градации, поддержанной и знаком препинания:

сон = добро / лекция в 8:30 = зло / зло! / ЗЛО!

- граффити "кричащие", выражающие высокое эмоциональное напряжение, выполняются исключительно прописными буквами:

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПАВШИМ ВО ВРЕМЯ СЕССИИ!; ЭКОНОМЬТЕ НА СНОТВОРНОМ – ХОДИТЕ НА ЛЕКЦИИ!; СКУЧНО; (ИПС) – ЗДЕСЬ ПОГИБАЮТ ОТ СКУКИ ДЕТИ НАУКИ; ПОЛИТЕХ ТПЗ-53Н – ЛУЧШЕ ВСЕХ!; ГОСПОДИ, ЛИШЬ БЫ ПОСТУПИТЬ!; СТАРЫЙ ПАДЛА 3.2.6.; Я РИСУЮ В ДЕКАНАТЕ ВАЗЕЛИНОМ СЛОВО ХВАТИТ; КАЖДОМУ РЕКТОРУ В ЖОПУ ПО ВЕКТОРУ; ПУСТЬ МЕНЯ РАЗДАВИТ ТАНКОМ, ВСЕ РАВНО Я БУДУ ПАНКОМ.

Таким образом, применение в граффити разной величины букв имеет функциональную нагрузку и является сопутствующим средством выражения текстового содержания и интонации. С помощью переключения регистра граффитист пытается донести до читающего степень своего эмоционального напряжения, "изображает" громкость своего голоса.

6. Подчеркивающая и зачеркивающая линейки

Все большее распространение в письменных текстах сегодня получают такие супраграфемные средства, как подчеркивание и зачеркивание. Возможность исправления текста посредством зачеркивания в письменном тексте не нова. Пишущий обычно зачеркивал то, что считал неудачным, неверным, лишним так, что нельзя было прочесть зачеркнутое, или просто переписывал текст набело.

Сегодня функция зачеркивания несколько изменилась. В первую очередь, это происходит в интернет-коммуникации и, кроме того, отображается в печатных текстах. Используя клавиатуру, пишущий стирает лишнее и неверное клавишей *Delete*, а зачеркивает как раз ту часть текста, которая отображает его мысль. А затем как бы произносит вслух другое, незачеркнутое. Можно сказать, что автор текста с помощью зачеркивания играет с текстом, создавая "новое измерение текста" (Кронгауз 2013: 208). Якобы пытаюсь скрыть слово, фразу, текст, автор, на самом деле, предоставляет читателю возможность прочесть его, и эта зачеркнутая часть текста начинает взаимодействовать с незачеркнутой, дополняя ее.

Рассмотрим примеры из корпуса: *ХОЧУ СЕРЕЖУ на Евро 2008; План Путина – победа России*. В первом случае отчаянный вопль перечеркнут и заменен на более спокойное обозначение чемпионата по футболу, но имя объекта страсти осталось и оно доступно всем читающим, в том числе и самому Сереже. Второй пример демонстрирует два противоположных мнения о главе государства, позитивное и пессимистическое, отображает, что пишущий думает о президенте на самом деле, а что о нем говорит. Зачеркивание одной чертой оставляет оба мнения на суд публики. Отклоняясь от лингвистического анализа, можно заметить, что мощный аффективный потенциал зачеркивания умело используют в торговой рекламе для привлечения покупателей, когда, зачеркивая старую цену, пишут на этикетках новую.

Подчеркивание можно назвать традиционным способом выделения частей текста. В отличие от зачеркивания, оно не создает эффект многомерности, механизм его действия иной – оно не нарушает линейное прочтение текста, только его останавливает на определенных элементах, посылая на них эмфатическое ударение. Подчеркивание часто используется в интернет-коммуникации, встречается и в граффити, а стало употребляться и в газетной публицистике. В корпусе граффитийных текстов есть несколько примеров, осложненных подчеркиванием, причем в двух из них двойным, что следует считать более сильной эмфазой:

*Кнопка выключения лектора (нажать лбом и удерживать до конца лекции);
кто ещё напишет тому пизды;*

ГОСПОДИ, ЛИШЬ БЫ ПОСТУПИТЬ! / Запятую забыли!!! Сочинение не напишете!!!;

я не навигу 171 гимназию НЕНАВИЖУ ЧЕСЛЕРА СУКУ.

Таким образом, подчеркивание и зачеркивание как супраграфемные средства организации письменного высказывания оказываются хорошим подспорьем содержательной стороне текста, озвучивают текст и расширяют его границы. "Письменная речь оказывается богаче устной, потому что она может быть нелинейна. Зачеркивание выявляет новое измерение, позволяющее дополнить речь мыслями, раскрывать внутреннюю речь. В процессе говорения пишущий с помощью зачеркивания транслирует то, что он думает в момент речи, но по каким-то причинам не решается или не хочет произнести" (Кронгауз 2013: 210–211).

В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подводя итоги рассмотрению графической стороны студенческих граффити, можно отметить, что студенческие творения полностью отражают современные тенденции в оформлении письменной речи. Сегодня актуализировалась графическая сторона письменного текста, и в этой актуализации велика роль шрифта, цифр, схем, рисунков, символов разных языковых кодов, регистра, зачеркивания и подчеркивания. Метаграфемика направлена на преодоление той относительной ущербности, которую всегда ощущал письменный текст, в сравнении с устным, звучащим. То, что можно передать тембром голоса, силой, громкостью, интонацией при поддержке мимики и жестов в устной разговорной коммуникации, жанры естественной письменной речи стараются перенести на материальный носитель текста с помощью синграфемных и супраграфемных средств.

Те же средства следует учитывать при исследовании образа языковой личности, поскольку выбор параграфемных средств, их сочетание с вербальным текстом могут существенно дополнить характеристику образа пишущего человека. Если следовать положениям Н. А. Востряковой, выделившей четыре компонента в речевом паспорте коммуникативной личности, то можно вписать в графы этого "паспорта" следующие характеристики языковой личности студента-граффитиста:

1. Биологический компонент (пол и возраст) – по данным А. И. Белкина, к написанию граффити прибегают от 50% до 94% студентов высших учебных заведений России (Белкин 2009: 4), учитывая средний возраст студентов (от 18 до 24 лет) и факт, что подавляющее большинство (87%) граффитистов – студенты первого и второго курсов⁴, можно прийти к выводу, что средний возраст автора студенческих граффити – около 20 лет. Говорить о половой принадлежности автора граффити, на основании лишь параграфемных средств, представляется затруднительным, гораздо больше гендерных импликаций содержит лексическое наполнение надписей, однако это не является предметом данного исследования.
2. Социальный компонент – выбор объекта исследования обусловил социальный статус языковой личности граффитиста. Носители данного социолекта – студенты, незрелые в профессиональном отношении и экономически несамостоятельные субъекты общества. Рассмотренные синграфемные средства оформления надписей, как и отчасти супраграфемные, свидетельствуют о достаточно высоком образовательном статусе, как и, согласно концепции В. И. Карасика, об элитарной языковой личности, использующей высокие или сниженные (обычно пародиремые) стилистические средства.
3. Психический компонент – анализ эмоционального состояния языковой личности в момент создания текста показал высокую степень напряженности, выраженную избыточным употреблением синграфемных средств. Набор супраграфемики призван реализовать некоторые присущие самой природе граффити функции, а именно: эскапическую (бегство от конвенций, законов, норм реального мира в мир фантазий, где отсутствует

⁴ Данные Н. И. Тюкаевой (2011: 84).

общественная иерархия и царствует полная свобода), компенсаторную (возмещение невозможности прямо противодействовать официальной власти и культурным табу с помощью создания "второго" мира), людическую (игровой характер, восходящий к традиции смеховой народной культуры).

4. Индивидуальный компонент – проанализированные параграфемные средства раскрывают, прежде всего, эгоцентрическую языковую личность, которая прибегает к ярким и необычным приемам создания текста с целью саморепрезентации и самоутверждения. Умелое использование знаков разных семиотических систем, нестандартное использование синграфемных средств, смелое сочетание разных языковых кодов свидетельствуют о студенте-граффитисте как о креативной языковой личности.

Проведенный выше анализ параграфемных средств, активно используемых в текстах граффити, раскрыл огромный потенциал, заложенный в природе самих средств, не только для графического оформления естественной речи, но и для ее "озвучивания". Креативная часть общества – молодежь – вкладывает в создаваемые тексты свои эмоции (с помощью смайликов, эмотиконов, рисунков), играет с пунктуацией, цифрами, символами, проявляет завидное знание иностранных языков. Зачеркивая часть слова, граффитисты создают текст с "двойным дном", манифестируя тем самым свою точку зрения на те или иные проблемы. Одним словом, рассмотрение визуальной оболочки граффити позволяет получить достаточно сведений об авторе надписей, его настроении, социальном статусе, степени социализации в обществе, его отношениях с окружающим миром.

Значение паралингвистических средств осознается современными исследователями в полной мере. Анализ речевой продукции носителя языка не представляется целостным без анализа визуальной оболочки текстов, а зачастую параграфемные средства могут рассматриваться сами как "паралингвистически активные тексты. Являясь носителем определенной информации (семантической, экспрессивной), невербальные средства привлекают внимание адресата, а полное извлечение информации из текста становится невозможным без их декодирования и интерпретации" (Анисимова 2003: 8).

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова, Е. Е. (2003) *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация*. Москва: Издательский центр "Академия". ISBN: 5-7695-0961-9
- Бабенко, Л. Г., Казарин, Ю. В. (2003) *Филологический анализ текста. Практикум*. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Белкин, А. И. (2009) *Психологическая диагностика личности автора граффити. Учебно-методическое пособие*. Москва: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт.
- Береговская, Э. М. (2004) *Очерки по экспрессивному синтаксису*. Москва: Рохос.
- Валгина, Н. С., Еськова, Н. А., Иванова, О. Е., Кузьмина, С. М., Лопатин, В. В., Чельцова, Л. К. (2009) *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*. Москва: АСТ-Пресс.

- Вострякова, Н. А. (1998) *Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка*. Автореферат диссертации кандидата филол. наук. Волгоград.
- Голев, Н. Д., Басалаева, М. Ю. (2010) "Роль пунктуации в понимании текста". *Вестник КемГУ* (4): 128–132.
- Карасик, В. И. (2002) *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена.
- Караулов, Ю. Н. (2010) *Русский язык и языковая личность*. Изд. 7-е. Москва: Издательство ЛКИ.
- Комарова, Л. И. (2008) "Антропоцентризм художественного текста". *Вестник ТГУ*, 8 (64), 99–103. ISSN 1810-0201.
- Кронгауз, М. А. (2013) *Самоучитель олбанского*. Москва: АСТ.
- Крысин, Л. П. (2008) *Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. Наиболее употребительные иностранные слова, вошедшие в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века*. Москва: Эксмо.
- Лебедева, Н. Б., Зырянова, Е. Г., Плаксина, Н. Ю., Тюкаева, Н. И. (2011) *Жанры естественной письменной речи. Студенческие граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка*. Москва: КРАСАНД.
- ЛЭС (2002) *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ред. В. Н. Ярцева. Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Москвин, В. П. (2013) *Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили*. Москва: URSS.
- Мосцевенко, А. Ю. (2010) "Паралингвистические средства письменной коммуникации: к проблеме классификации". *Филологические науки* (4), http://www.rusnauka.com/2_ANR_2010/Philologia/4_56833.doc.htm (07.08.2013)
- Наумов, В. В. (2013) *Лингвистическая идентификация личности*. Москва: URSS.
- Перцов, Н. В. (2008) "О соотношении письменной и устной форм поэтического языка". *Вопросы языкознания* (2): 30–56.
- Плутсер-Сарно, А. (1998) "Магия современного города". *Русский журнал*, <http://plutser.ru/articles/graffity> (19.06.2013).
- ПРСС (1998) *Педагогическое речеведение. Словарь-справочник*. Ред. Т. А. Ладыженская, А. К. Михальская. Москва: Флинта, Наука.
- СЛТ (2010) *Словарь лингвистических терминов*. Ред. Т. В. Жеребило. Назрань: Пилигрим. http://lingvistics_dictionary.academic.ru/ (17.06.2013).
- Шапиро, А. Б. (2011) *Современный русский язык. Пунктуация*. Москва: URSS.
- Швецова, М. Г. "Паралингвистические средства в лингвистике текста". <http://www.lingvomaster.ru/files/210.pdf> (07.08.2013).
- ЭНХ. *Энциклопедия научной хронологии*. Ред. К. Люков, А. Веревкин, А. Сафонов, А. Куликовский, <http://chronology.org.ru/newwiki/> (06.08.2013).

Ярица, Л. И. (2007) "Функционирование точки в конце предложения в письменной речи студентов томских вузов". *Вестник Томского государственного университета* (300): 24–26, [http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300\(III\)/image/300_3_024-025.pdf](http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300(III)/image/300_3_024-025.pdf) (30.09.2009).

ULOGA EKSTRALINGVISTIČKIH SREDSTAVA U STVARANJU JEZIČNOG IDENTITETA (NA PRIMJERU TEKSTOVA STUDENTSKIH GRAFITA)

U radu se na materijalu tekstova studentskih grafita istražuje uloga ekstralingvističkih sredstava kao relativno neovisnog prenosioca informacije, u prvom redu ekspresivne i semantičko obilježene. Ekstralingvistička sredstva vizualno uređuju i nadopunjuju pisani tekst, uz njihovu pomoć grafiteri realiziraju svoju komunikativnu intenciju i namjeru upustiti se u igru. Odvojeno se razmatraju singrafemna sredstva (ekspresivna interpunkcija) i supragrafemna sredstva (brojevi, crteži, *smajlići*, znakovi latiničnoga i ćiriličnoga pisma, velika i mala slova, podcrtavanje i križanje). Odabiru ekstralingvističkih sredstava svaki autor pristupa individualno, stoga njihovo promatranje postaje relevantno prilikom analize jezičnog identiteta pojedinca.

KLJUČNE RIJEČI: *jezični identitet, ekstralingvistička sredstva, studentski grafiti, verbalizirani tekst*